

мортирной батарее. Тотчасъ явилась новая депутація съ просьбою объ отсрочкѣ. Но, наученный опытомъ, полковникъ Саранчовъ, желая понудить коварнаго непріятеля къ рѣшительной сдачѣ, не прекращалъ огонь въ теченіе цѣлаго часа и затѣмъ уже, уступая мольбамъ запуганныхъ депутатовъ, далъ имъ новую отсрочку, на три часа. Вскорѣ послѣ этого получено было отъ генерала фонъ-Кауфмана предписаніе о прекращеніи огня. Предписаніе это дано главнокомандующимъ изъ лагеря туркестанскаго отряда, у Янгиярыка, находящагося по ту сторону столицы хивинскаго ханства. Сюда, 28-го мая, послѣ энергичныхъ дѣйствій Веревкина и Саранчова, явился къ генералу фонъ-Кауфману двоюродный братъ хана, Иртазали-ханъ, съ письмомъ отъ Сеидъ-Рахимъ-хана, въ которомъ владѣтель Хивы выразилъ согласіе сдаться совсѣмъ ханствомъ Бѣлому Царю и уполномочивалъ посланца Иртазали выслушать и подписать условія. Это и побудило фонъ-Кауфмана прекратить огонь. Онъ объявилъ посланцу, что заявленіе нашихъ требованій и условій желаетъ лично сдѣлать хану, а потому проситъ его, со свитою въ 100 человекъ, выѣхать къ нему на встрѣчу, утромъ, 29-го мая, когда русскія войска будутъ подходить къ Хивѣ.

Насталъ знаменательный день въ русской военной исторіи 29-го мая 1873 года. На разсвѣтъ этого дня, туркестанскій отрядъ выступилъ изъ лагеря и къ 8 часамъ утра вошелъ въ районъ городскихъ садовъ Хивы. Одновременно двинулся и отрядъ генерала Веревкина. Было извѣстно, что въ столицѣ хивинскаго ханства происходитъ сильная партійная борьба, что среди полнаго безначалія берутъ верхъ воинственные туркмены и другіе пришельцы, готовые къ отчаянной оборонѣ, вѣдѣствіе чего въ русскомъ отрядѣ были приняты мѣры. Приступили къ возведенію брешъ-батарей въ 250 шагахъ отъ города. Послѣ 24 выстрѣловъ въ стѣны и воротахъ удалось пробить брешъ, и одновременно произведенъ

фальконерная стрѣльба. Первымъ проникъ въ городъ черезъ пробоину находившійся тогда еще въ чинѣ подполковника М. Д. Скобелевъ. Гарнизонъ защищался необыкновенно стойко, но уже къ вечеру побѣдоносныя русскія войска вошли въ городъ, который вмѣстѣ со всѣмъ ханствомъ сдался главнокомандующему русскихъ войскъ генералъ-лейтенанту фонъ-Кауфману на предложенныя условія.

ТУРКЕСТАНСКІЕ ИШАНЫ.

«Ишаны», привлеченіе на себя въ послѣднее время вниманіе русскаго общества,—наиболѣе типичные представители особаго мусульманскаго ученія, именуемаго у европейцевъ «суфизмомъ», а у мусульманъ «тасаввуфомъ». Изъ рядовъ представителей суфизма вышли почти всѣ мусульманскіе святыя и также весьма многіе поэты и философы мусульманскаго міра; къ этому же ученію принадлежали нѣкоторые дѣятели, игравшіе видную роль въ политической исторіи ислама. Въ настоящее время въ мусульманскихъ странахъ суфіи являются главными духовно-нравственными руководителями народа, а въ странахъ съ иновѣрнымъ населеніемъ они выступаютъ распространителями ислама.

Въ послѣднихъ №№ «Туркест. Вѣд.» помѣщенъ любопытный очеркъ, посвященный этому явленію жизни современнаго мусульманства, въ виду недавнихъ прискорбныхъ андижанскихъ событій приобретающій особое значеніе. Весьма многіе приравниваютъ суфизмъ къ монашеству, но съ болѣе правомъ можно было бы назвать его мусульманскимъ сектантствомъ, если-бы только понятіе сектантства не заключало въ себѣ понятія отчужденности отъ правовѣрія. Суфизмъ, наоборотъ, такъ тѣсно сплелся съ исламомъ, что является въ настоящее время главною дѣятельною силою послѣдняго. Вѣрнѣе всего назвать суфизмъ мусульманскимъ мистицизмомъ.

Вначалѣ это учене, не согласовавшееся съ духомъ ислама, подвергалось сильнымъ гоненіямъ; однако, мало-помалу вся религіозная жизнь ислама прониклась вліяніемъ суфизма. Мистицизмъ вообще коренится въ стремленіи несовершенной души человѣческой къ существу совершенному, къ Богу. **Цѣ**

понятіямъ мусульманскихъ мистиковъ, божество тайнственно объемлетъ весь міръ, слѣдовательно, витаетъ кругомъ человѣка и живетъ въ человѣкѣ. «Для людей, познавшихъ Бога, нѣтъ ничего, кромѣ Бога»,—говоритъ знаменитый персидскій поэтъ и мистикъ Саади. Знаменитый мистикъ и мусульманскій святой, шейхъ Мансуръ, въ концѣ концовъ сталъ называть себя Богомъ. «Я есмь Истина»,—говорилъ онъ, за что и былъ приговоренъ муллами къ смерти, какъ богохульникъ.

Туркестанскій мистическій поэтъ XII столѣтія Султанъ Арефинъ, стихотворенія котораго весьма уважаются туземцами этого края, не разъ приводитъ упомянутое изреченіе Мансура, какъ откровеніе высшей мудрости.

Основатель дервишскаго толка Мевлеви говорилъ своему духовному наставнику: «О, мой учитель! Ты довершилъ мое учене, научивъ меня, что ты Богъ, и что все есть Богъ». А если все есть Богъ, то не можетъ быть ни грѣха, ни вытекающаго изъ него зла; исчезаетъ всякое различіе между добромъ и зломъ; исчезаетъ вообще всякая форма, и все уничтожается въ Богѣ. «Уничтоженіе въ Богѣ является высшею цѣлью стремленія мусульманскаго мистика. Такъ Баязидъ Бестами говорилъ: «Боже! Долго ли между Тобою и мною будутъ находиться понятія: «я» и «ты»? Отстрани ихъ, чтобы я превратился въ ничто. Ни имени у меня, ни прозвища не осталось; я обратился въ ничто». Если мистикъ согрѣшилъ и палъ, то ему кажется достаточнымъ то жгучее чувство раскаянія, которое охватываетъ человѣка послѣ паденія. Мистика кажется, что это чувство само по себѣ уже очищаетъ его душу отъ послѣдствій грѣха и приближаетъ его къ Богу. То

чувство нравственнаго успокоенія, которое неизбѣжно слѣдуетъ за порывами пылкаго умиленія и жгучаго раскаянія, мистикъ считаетъ утѣшеніемъ, исходящимъ непосредственно отъ Бога.

Мистицизмъ возможенъ вездѣ; но только тамъ, гдѣ онъ не сдерживается никакими положительными постановленіями религіи, его не предвидѣвшей, какъ то случилось съ исламомъ, онъ достигаетъ ненормальнаго развитія и принимаетъ иногда уродливыя формы. Мусульманскій мистикъ (суфи, дервишъ) долженъ находиться въ состояніи непрерывнаго умиленія, непрерывнаго страстнаго стремленія къ сліянію съ божествомъ. Такъ какъ при нормальномъ состояніи человѣческаго организма это невозможно, то мистики выработали мало-по-малу цѣлое искусство приводить себя въ желаемое настроеніе и поддерживать въ себѣ это настроеніе. Это искусство сложилось въ стройную систему, по своей цѣлесообразности не уступающую знаменитымъ «Духовнымъ упражненіямъ» Игнатія Лойолы. Жизнь дервиша окружена сѣтью столь мелочныхъ и стѣснительныхъ предписаній, что буквальное ихъ выполненіе становится невозможнымъ. Однако, тотъ, кто потщится выполнять ихъ по мѣрѣ силъ своихъ, дѣйствительно, настолько затмитъ свой разумъ, что достигнетъ желаемаго экстаза, т. е. воображаемаго соединенія съ божествомъ («васль»). Первымъ средствомъ для достиженія этого представляется абсолютное подчиненіе волѣ духовнаго наставника («мюршидъ», «шейхъ»). По отношенію къ своему духовному наставнику дервишъ называется «муридомъ» («желающій», «жаждущій»,—подразумѣвается, наставленій). Вступленіе въ число муридовъ въ Туркестанскомъ краѣ обозначается терминомъ «дать руку». Оно обставляется различными обрядами, для каждаго дервишскаго толка особыми.

Обязанность духовнаго наставника состоитъ въ томъ, чтобы вести мурида по пути духовнаго совершенства. Этотъ путь именуется «тарикатомъ» и раздѣляется на три поприща: собственно

«тарикать» или путь, «марафать» или знаніе и «хакикать», т.-е. состояніе истины, или достиженіе божества. Огромное большинство дервишей не идетъ дальше первой ступени; на двухъ высшихъ стоятъ лишь немногіе избранные, удостоившіеся получить отъ Бога даръ видѣній, пророчества и чудесъ. Эти послѣдніе и являются духовными наставниками для прочихъ дервишей. Особенно уважаемые изъ нихъ называются «ишанами» (отъ персидскаго слова «они», т.-е. «ихъ милость» — почтительное выраженіе). Послѣ смерти они зачисляются въ разрядъ святыхъ и именуются въ жизнеописаніяхъ, составленныхъ ихъ благочестивыми послѣдователями,

Выработалась цѣлая система, при помощи которой воля мурида порабощается волѣ наставника. Такъ, организмъ мурида умышленно изнуряется постомъ, молитвами и «зикромъ», о которомъ рѣчь будетъ ниже; все это облегчаетъ дѣйствіе гипнотизирующихъ силъ ишана. Муридъ не долженъ пристально и долго смотрѣть на ишана; въ присутствіи послѣдняго онъ долженъ говорить (какъ можно меньше. Муридъ обязанъ закрывать глаза на все, что можетъ, такъ или иначе, уронить авторитетъ наставника. Болѣе всего онъ долженъ остерегаться осуждать ишана не только словесно, но даже и мысленно. Вообще, муриду вменяется въ обязанность увѣрить себя въ томъ, что наставнику извѣстны всѣ мельчайшія подробности его жизни и даже всѣ его мысли. Приказанія ишана муридъ долженъ исполнять не разсуждая и не колеблясь, — долженъ всѣми силами отвращать всякій вредъ, или непріятности, которыя могутъ угрожать наставнику и долженъ быть въ рукахъ шейха, какъ трупъ въ рукахъ обмывателя мертвыхъ, какъ говорится въ одномъ изъ основныхъ правилъ «тасаввуфа». Пользуясь такою властью надъ волей мурида, шейхъ можетъ, по свидѣтельству мусульманъ, исцѣлять больныхъ муридовъ и вообще творить чу-

деса. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ чудеса ишановъ легко объясняются причинами естественными: ловкостью неразборчиваго на средства ишана и легковѣріемъ его послѣдователей.

Нѣкоторые особенно уважаемые ишаны имѣютъ тысячи и даже десятки тысячъ послѣдователей; они владѣютъ большими капиталами, составившимися изъ добровольныхъ пожертвованій. Вліяніе сильной и даровитой личности наставниковъ на муридовъ можетъ быть могущественно; нерѣдко шейхи становились во главѣ сильныхъ политическихъ организацій, напримѣръ, Шамиль, Махди и особенно знаменитый «Старецъ Горы» и шейхъ Хасанъ Аламутскій, основатель средне-вѣковой секты тайныхъ убійцъ, «ассасиновъ» (потребителей опиума).

Нѣкоторые дервиши, напр., въ Египтѣ и Персіи, пользуются и доселѣ гашишемъ для приведенія себя въ желаемое настроеніе, но болѣе употребительнымъ средствомъ для достиженія экстаза служитъ «зикръ», т.-е. «упоминаніе» именъ Божіихъ, которыхъ, по мнѣнію мусульманскихъ ученыхъ богослововъ, — 1.001; они находятся въ четырехъ священныхъ книгахъ — «Тауратъ» (Пятикнижіе), «Забуръ» (Псалмы Давида), «Инджилъ» (Евангеліе), «Куръанъ» (Коранъ). Но простымъ смертнымъ извѣстны лишь 99 именъ Божіихъ, изъ нихъ семь считаются «прекраснѣйшими». Въ противоположность нашей третьей заповѣди, «не пріемли имени Господа Бога твоего всуе», — возможно болѣе частое повтореніе именъ Божіихъ считается у мусульманъ дѣломъ богоугоднымъ. Изъ именъ Божіихъ особенно важны семь, изъ которыхъ каждое должно быть произнесено совершеннымъ дервишемъ тысячи разъ въ сутки. Для произнесенія зикра мистикъ долженъ закрыть глаза, крѣпко сжать ротъ, стиснуть зубы и, сдерживая дыханіе, медленно, съ великимъ усиліемъ, произносить имена Божіи, но не языкомъ, который остается

неподвиженъ, а «сердцемъ»; при этомъ руки дервиша сложены повыше живота, а голова склонена по направленію къ «сердцу»; потомъ точно также зикръ продѣлывается въ «духѣ», и т. д. Иной ишанъ продѣлываетъ «зикръ» въ сутки до пяти тысячъ разъ; счетъ зикровъ производится при помощи четокъ («тасбихъ»).

Кромѣ зикра, исполняемаго въ одиночку, существуетъ зикръ общій, совершаемый, сообразно уставу ордена, или каждымъ изъ участниковъ молча, про себя («хуфія»), или же вмѣстѣ и вслухъ («джагрія»). Зикръ послѣдняго рода въ Туркестанскомъ краѣ состоитъ изъ чтенія нѣкоторыхъ молитвъ и стиховъ корана и выкрикиванія именъ Божіихъ вслухъ цѣлой толпою дервишей, раскачивающихся при этомъ всѣмъ тѣломъ; иные изъ нихъ вертятся среди круга («халька»), пока ихъ не обуяетъ экстазъ. Съ пѣной у рта, съ вытаращенными, налитыми кровью, ничего не видящими глазами, эти фанатики испускаютъ безсвязные дикіе вопли, въ то время какъ наэлектризованная толпа дервишей, стоящихъ кругомъ, продолжаетъ, съ ритмическими движеніями и покачиваніемъ тѣла, рычать: «Ху, Ху, Ху Алло» (Онъ, Онъ, Онъ Богъ), или: «Хай, Хай, Хай Улло» (Живый, Живый, Живый Богъ). Чтобы на участниковъ зикра не дѣйствовалъ отрезвляющимъ образомъ дневной свѣтъ, зикръ обыкновенно совершается или ночью, или въ темномъ помѣщеніи, которое слабо освѣщается нѣсколькими свѣтильниками. Тяжелыя испаренія сотенъ качающихся тѣлъ, копотъ свѣтильниковъ, мѣрные движенія многоголовой толпы, дикія горловые завыванія дервишей и пронзительные вопли фанатиковъ, впавшихъ въ экстазъ,—все это дѣйствуетъ даже на посторонняго зрителя потрясающимъ образомъ. Нѣкоторые наэлектризованные фанатики лижутъ раскаленное желѣзо или наносятъ себѣ раны кинжалами. Когда, наконецъ, нервное напряженіе участниковъ зикра достигаетъ апогея, всѣ садятся въ кругъ, и особый чтецъ начинаетъ выкрикивать стихи изъ произведеній мистиче-

скихъ поэтовъ (преимущественно Султана Арефина). Это заунывное, протяжное чтеніе речитативомъ стиховъ, которые сами по себѣ нѣрѣдко трогательны, производитъ на ослабѣвшихъ, изнеможенныхъ участниковъ зикра сильное впечатлѣніе. Чтеніе сопровождается отдѣльными возгласами удивленія, согласія, одобренія. Нѣкоторые, чьи нервы особенно ослабѣли, рыдаютъ, заливаясь слезами. Вотъ это-то состояніе слезливаго экстаза, достигаемаго какими бы то ни было средствами, считается у мистиковъ за высшее и лучшее проявленіе духовной жизни.

Истинный «суфи» находится въ состояніи постояннаго воздыханія, постояннаго страстнаго стремленія къ Богу. Это состояніе называется любовью, — «ишкъ», а суфи — влюбленнымъ («ишикъ»). Иносказательный языкъ мистическихъ поэтовъ полонъ образовъ и картинъ, относящихся до страстной любви и опьяненія. Для описанія мистическихъ восторговъ поэты употребляютъ самыя нечестивыя въ глазахъ мусульманина выраженія. Въ сущности, суфизмъ опровергаетъ и самый исламъ, подъ сѣнью котораго онъ приютился, такъ какъ если «все есть Богъ», то всѣ вѣроисповѣданія уравниваются для суфи; достигнувъ соединенія съ Богомъ, мистикъ можетъ не соблюдать постановленій шаріата, ибо онъ сталъ выше шаріата.

«Шаріатъ есть только оболочка религіи; содержаніе ея — тарикатъ» — говоритъ излюбленный поэтъ суфи — Султанъ Арефинъ. Еще рѣзче выражается Шамсъ-и-Табризи: «Нѣтъ у меня упованія на гвевровъ, ни надежды на исламъ». Такимъ же атеистическимъ отчаяніемъ дышатъ слова другого персидскаго поэта: «Чего ты хочешь отъ небесъ? Чего ты ищешь на землѣ? Жестокъ сводъ небесный, а земля есть кукольный театръ». Вообще же, суфизмъ, съ его воззрѣніями, можетъ вести къ нравственной разнузданности. Интересно въ этомъ отношеніи сочиненіе «Книга о послѣднихъ временахъ», поль-

зующееся среди поволжских мусульманъ громадной популярностью. По всеобщемъ воскресеніи, Богъ уступитъ просьбамъ Мухаммеда и проститъ всѣхъ послѣдователей его. И тогда:

«Какъ имамъ во главѣ всего народа, придетъ Мухаммедъ.

Всѣ гуріи и молодые райскіе юноши выйдутъ имъ навстрѣчу.

Восемь раевъ озарится своимъ свѣтомъ,—и станетъ полный свѣтъ!»—говорится тамъ.

Ясно, что такіа обѣщанія, подрывая вѣру въ возмездіе, не могутъ способствовать развитію правильныхъ нравственныхъ понятій. Еще дальше въ этомъ отношеніи пошелъ нѣкій шейхъ Саниваръ, основавшій недавно на границахъ Ташкентскаго и Кокандскаго уѣздовъ новую суфійскую секту.

Ишаны распространяютъ свое вліяніе успѣшнѣе всего въ Киргизской степи и въ горахъ Туркестанскаго края среди простодушнаго и невѣжественнаго кочеваго населенія; осѣдлое же населеніе относится къ нимъ довольно недоувѣрчиво. Однако иные изъ нихъ насчитываютъ тысячи послѣдователей даже среди горожанъ, преимущественно низшихъ классовъ. Многіе сарты низшихъ сословій, особенно ремесленники, считают своими наставниками знаменитыхъ святыхъ мусульманскаго міра, давно умершихъ и признающихъ покровителями различныхъ ремеслъ. Среди сартовъ вообще распространенъ

такой взглядъ, что существуютъ ишаны дѣйствительно святыя, ученые, чудотворцы, надежные руководители нравственнаго поведенія; но только они встрѣчаются рѣдко, большинство же ишановъ — обманщики, лицемеры, которые «охотятся не за сердцемъ муридовъ, какъ то дѣлалъ Хазретъ Султанъ, а за ихъ деньгами». Нѣкоторые видятъ въ этомъ дурное знаменіе. Въ своемъ вдохновенномъ поученіи Султанъ Арефинъ говоритъ такъ:

«Когда послѣ насъ приблизятся послѣднія времена, возстанутъ такіе шейхи, что самъ діаволъ,—проклятіе да будетъ надъ нимъ!—станетъ учиться у нихъ, и весь народъ будетъ привязанъ

къ нимъ, и съ помощью хитростей будутъ ловить муридовъ. Тотъ есть истинный шейхъ, кто, получивъ подаеніе, отдаетъ его достойнымъ того странникамъ и бѣднымъ. Если же, получивъ что-либо, онъ употребитъ это на себя, то будетъ это подобно сквернѣ, пожираемой псами. И если изъ полученной милостыни онъ сдѣлаетъ платье и надѣнетъ его самъ, то отъ того, кто это платье соткалъ, не приметъ Всевышній Господь ни поста, ни молитвы. И если изъ полученной милостыни онъ (шейхъ) сдѣлаетъ себѣ хлѣбъ и съѣстъ его, то плѣнитъ его въ аду Всевышній Господь всевозможными муками. И всякій чловѣкъ, который довѣрится такимъ шейхамъ, станетъ невѣрнымъ (кафиръ). Такіе-то проклятые шейхи возстанутъ тогда; волненія, произведенныя ими, превзойдутъ возстаніе Даджала (Антихриста). И будутъ они отступниками отъ шаріата, тариката, хакиката и марафата... О, ты, ищущій познанія! Если ты, стремясь къ Богу, пожелаешь найти Его, то предай руку твою такому духовному наставнику, который въ шаріатѣ былъ бы знающимъ Бога, въ тарикатѣ былъ бы освѣдомленнымъ о тайнахъ, въ хакикатѣ—достигшимъ полного совершенства, и въ марафатѣ—безбрежнымъ океаномъ. Предай руку твою такому духовному наставнику, дабы дѣла твои шли благополучно. И если муридъ не знаетъ ученія шаріата,—наставникъ преподастъ ему ученіе шаріата; и, если съ муридомъ случится то же относи-

тельно тариката, [шейхъ] наставитъ его на путь при помощи ученія тариката, и, пользуясь тайнами хакиката, укажетъ муриду дорогу».

Современные ишаны, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, отличаются корыстолюбіемъ и невѣжествомъ: «они, поистинѣ являются вождями слѣпыми», будучи незнакомы ни съ достойной изученія философій суфизма, ни съ его богатой литературою, нѣкоторые образцы которой достойно могутъ быть зачислены въ разрядъ перловъ всемірной поэзіи. Современные ишаны, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, толь-

ко эксплуатируютъ низшіе слои туземнаго населенія, разжигаютъ въ нихъ фанатизмъ и; знакомятъ ихъ съ самыми темными проявленіями суфизма, именно съ «зикромъ». Въ такомъ же духѣ дѣйствуютъ ишаны и въ Закавказьѣ, но только тамъ дѣятельность ихъ имѣетъ мѣстный колоритъ; въ зикрѣ введены пляски молодыхъ женщинъ, а сами ишаны не гнушаются и разбоемъ. Такъ, въ 1888 г. одинъ закавказскій ишанъ былъ приговоренъ, за разбойническій угонъ скота, къ каторжнымъ работамъ. Неизмѣримая разница между подобными дѣятелями, или, наиримѣрь, Дуахи-ишаномъ, произведшимъ злодѣйское нападеніе на лагерь въ Андижанѣ, и Хазретъ Султаномъ, который училъ, между прочимъ, даже въротерпимости, говоря:

«Преданіе отъ пророка таково: если будетъ предъ тобой и невѣрный, — не дѣлай обиды ему. Отъ сердца жестокаго, отъ души обидчика отвращается Господь. Ей, Боже Истинный! Такому рабу уготована превсподняя ада».

Существуетъ весьма характерный рассказъ о томъ, какъ эмиръ бухарскій Ша-Мурадъ, прапрадѣдъ нынѣ царствующаго, сталъ упрекать одного ишана и для вящей укоризны сослался на примѣръ знаменитаго Багауддина, духовнаго наставника Тимура. Ловкій ишанъ, однако, нашелся и возразилъ, что, правда, ишаны нынѣ стали не тѣ, что бывали встарину, — имъ съ Багауддиномъ никакъ не сравняться; да и то сказать, «Багауддинъ жилъ въ царствованіе великаго Тимура, а я, государь, живу въ твое».

Общій упадокъ мусульманской культуры повелъ къ вырожденію суфизма. Двойственный взглядъ народа на ишановъ сказался въ слѣдующемъ простомъ стихѣ:

«Если, будучи ученымъ, сдѣлаешься шейхомъ, то
будешь свѣточемъ обоихъ міровъ;
А если, будучи невѣждой, сдѣлаешься шейхомъ, —
будешь, какъ палка на круподеркѣ».

Въ современный суфизмъ входятъ всевозможныя философскія системы, начиная отъ возвышеннаго бабизма и до дикаго сектантства: онъ покрываетъ и вы-

сокое благочестіе Султана Арефина, и ханжество Суффи Аллаара, и глубоко-мысліе Саади, и матеріализмъ ходжи Хафиса, и даже атеизмъ Шамсъ-и-Табризи. При неподвижности догматовъ ислама, всякое движеніе мысли въ мусульманскомъ мірѣ должно было прикрываться суфизмомъ, и самое обновленіе мусульманства можетъ совершиться только при помощи его. Но это последнее возможно только тогда, если суфизмъ будетъ оружіемъ не въ рукахъ такихъ самозванцевъ, какъ минтюбинскій ишанъ, произведшій недавнюю смуту въ Ферганской области.

